

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исторический миф — мощное оружие пропаганды нового и новейшего времени. По словам современного исследователя, «история сегодня в России, потерявшей идеологию, призвана выполнить функции религии <...>. Что может дать история, знание прошлого, чтобы люди могли жить в ладу с окружающим миром? Знание как негативных, так и позитивных прецедентов взаимоотношений человека и природы» (Кульпин 1998). Взгляд этот довольно распространён и даже логичен: откуда же мы можем знать о законах, управляющих поведением людей и сообществ, если не из прошлого опыта? К тому же в архаических мифологиях «центральную группу мифов, по крайней мере у народов с развитым мифологическим сознанием, составляют мифы о происхождении мира, вселенной (*космогонические мифы*) и человека (*антропогонические мифы*)» (Токарев, Мелетинский 1992: 11) ². Логично в таком случае, что в современном мифе его место занимают данные астрономии (переработанные, путём ценностного истолкования, в космогонический миф), физической антропологии (антропогонический миф), а далее — истории.

Поэтому в наши дни мифотворцы обращаются за поддержкой уже не к свяшенным текстам или чудесам, а к исторической науке. Последняя, таким образом, оказывается в эпицентре идеологических баталий: она призвана *рационально* обосновывать мифологические, то есть по определению *иррациональные* построения. Родилась «чёрная история» — по аналогии с «чёрной археологией», то есть грабительскими раскопками, не имеющими прямого отношения к строгой науке.

Её авторы постоянно настаивают на том, что создают именно мифы — то есть «идеи, за счёт которых жилось лучше, а именно, полнее и веселее, нежели за счёт “современных идей”» (Ницше, *По ту сторону добра и зла*, I, 10) — и даже Миф с большой буквы. Условимся иногда так его и называть, чтобы был понятен ход мысли этих претендентов в Гомеры нашего времени. Хотя автор очень просит читателя не забывать, что между подлинным мифом — греческим, германским или индейским — и современным идеологическим Мифом такая же разница, как между настоящим бифштексом и вермишелевым концентратом «со вкусом говядины». В самом деле, идеологический Миф лишь использует некоторые механизмы подсознания, хорошо заметные в классической мифологии, чтобы изложить с их помощью совсем иное содержание и предложить его совсем иным людям — уже способным к иным, высшим видам мышления.

В примере из заключения «*Мифологий*» Ролана Барта философ, давший зарок никогда не выражаться мифологически, не в состоянии ни о чём говорить с экипажем самолёта, в котором летит (Барт 2004 {1957}: 285). Чтобы избежать мифологии, ему приходится изобретать другой метаязык — идеологию. Этот пример как нельзя лучше показывает, что мифология и идеология соединены *диалектиче-*

² Здесь и далее во всех цитатах, кроме специально оговоренных случаев, выделения принадлежат цитируемым авторам.

ским противоречием. Иными словами, это хоть и разные ягоды, но всё же одного поля. Имя этому полю — формы иррационального мышления. Избежать его человек не может: если он лишится подсознания, то станет машиной без всяких человеческих качеств. Но именно эта общая основа позволяет современным иррационалистам ставить свои идеологические конструкции на одну доску с мифами и даже рассчитывать, что когда-нибудь в них будут верить так же, как люди древности верили в свои мифы.

Этот феномен уже активно исследуется на материале отдельных стран или сюжетов. В Румынии достаточно назвать Лучиана Бойя, заслужившего даже прозвище «демифологизатора». Этот автор тщательно исследовал румынские исторические мифы, складывавшиеся от образования Румынского государства в середине XIX века до эпохи Н. Чаушеску включительно, и их зависимость от вненаучных факторов. В фундаментальном труде «*История и миф в румынском сознании*» он предложил следующее определение мифа:

«воображаемая конструкция (что в то же время не означает ни “истинная”, ни “ложная”, но лишь изложенная в соответствии с логикой воображения), предназначенная для того, чтобы выявить сущность космических и социальных явлений в тесной связи с фундаментальными ценностями общества и обеспечить его единство. Исторический миф представляет собой, очевидно, переработку прошлого в смысле этого определения» (Voia 1997: 8).

Это определение и даже его фразеология («*construcție imaginară*» — «воображаемая конструкция») заставляет вспомнить Я. Э. Голосовкера (1987) с его «имажинативным абсолютом». При этом, согласно Л. Бойя, миф отличается системностью, претензией на «сущностную истину» («*adevăr esențial*»), объединяющим и упрощающим характером — то есть сведением всего многообразия фактов к «привилегированной оси интерпретаций», зато безразличен к тому, обобщает ли он «материалы истинные, или фиктивные, или те и другие одновременно» (*ibid.*: 7—8). Однако тема явно не закрыта, судя по сохраняющейся популярности мифологических ревизий прошлого.

М. Елифёрова (РГГУ) предлагает различать «два значения слова “миф”: 1) вид архаического мировосприятия; 2) “добросовестное заблуждение”, когда репутация предмета принимается за сам предмет. Первый характерен для древних культур, второй — для современной массовой культуры» (из личного письма от 28.06.2006). Конечно, исторический миф нашего времени всегда окажется в этой терминологии «мифом-2» — правда, с большей или (чаще) меньшей степенью «добросовестности». Но каждый его конструктор рассчитывает, что со временем его картина станет «мифом-1». Так же, как мечтал об этом Платон с его «благородным вымыслом» о людях трёх сортов (*Государство* III 414c — 415d). К тому же, как отмечает сама М. Елифёрова, для нашего сегодняшнего мира именно «миф-2» сохраняет грозную актуальность, в то время как «миф-1» — в лучшем случае этнографическое значение.

Допустим, мы пытаемся создать «миф-2» о нашей земле как некоей специфической зоне с особо благоприятными условиями для культурного развития. Допустим далее, что этот миф свободен от расового национализма и к тому же убедительно подтверждается историческими фактами. Больше того, только в таком виде эти факты могут стать достоянием массового сознания: ведь крестьянин, строитель

или врач вряд ли будет читать специальные исторические журналы, свой багаж знаний о прошлом он черпает из школьных учебников и газет. Заявленная конечная цель такого мифа — консолидация граждан всех национальностей ради построения достойного будущего для страны, в данное время весьма бедной. К тому же изначально он не нацелен против какой-либо другой страны или народа.

Но и при таком подходе остаются вопросы. Во-первых, сама необходимость конструировать и распространять миф предполагает, что само население на это не способно. Может получиться программа идеологического господства политтехнологов — грозная и опасная картина. Особенно если учесть, что такая профессия существует только в СНГ — в странах «декоративной демократии», — да и здесь умирает, не успев родиться, но успев показать свою низкую эффективность (Щербак, Эткинд 2010). Но, с другой стороны, у правых во всём мире давно уже есть свои мифы, кочующие из страны в страну, подобно литературным сюжетам. При этом меняются только роли героев («мы», «наши предки») и злодеев, остальные части мифического метасюжета неизменны, как и положено в шаблоне.

Допустимо ли бороться с мифом с помощью другого мифа? Не означает ли это «изгонять бесов силою веельзевула, князя бесовского» (Лука 11:15)? А если этого не делать, вновь возникает прежний вопрос: возможна ли человеческая психология, обходящаяся вообще без мифов — одними рациональными конструкциями? Если у людей не будет надёжно проверенного и безопасного мифа — значит, будет какой-то другой, похуже. Для сравнения: медицина не может победить смерть, но это не значит, что медицина вообще не нужна, что можно вернуться от неё к первобытной магии, которая тоже ведь иногда кому-то помогала. Неужели либеральная или демократическая идеология — сама по себе не «миф-2», неужели она на сто процентов научна?

Любая человеческая общность невозможна без общих ценностей, фиксируемых единым базовым смыслом — смыслом, который культура предлагает своим носителям для оправдания их жизни и деятельности. Этот смысл невыразим до конца в словах (поскольку касается вещей метафизических и трансцендентных), поэтому он не поддаётся вполне логичному объяснению. Вместо этого он лишь *обозначается* основным символом данной культуры и *раскрывается* (возможно, скорее *иллюстрируется*) в её основном мифе. Без этого культура не может сложиться как нечто целое и отграниченное от всех прочих культур (см. Ткачук, 1996). Рационального сознания для этого недостаточно: ведь законы физики во всём мире едины. А культуры различны, больше того — именно в их различии и многообразии богатство человечества и его шансы на выживание перед лицом любых опасностей, которые может нести будущее.

Профессор Женевского университета Андре Реслер не так давно задался вопросом: почему так трудно идёт европейская интеграция, почему люди до сих пор считают себя скорее немцами, французами, итальянцами, чем европейцами? Почему, например, «европейское качество» в их устах означает обычно безликий шаблон или ширпотреб? ³ Ответ А. Реслера таков. В наши дни «национальные мифы намного превосходят европейские, лишённые институциональной базы и основополагающих актов — предвестников будущего (не будем касаться двух универсалистских мифов — мифа Революции и мифа современности)» (Reszler 2003: 542).

³ Любезная информация О. И. Манзуры, которой автор выражает свою благодарность.

«Европа имеет общую историю, которую литература и историография свободно может перевести в область мифа», однако «образ Европы слабо укоренён в скудной почве фактов», поэтому «мифология сообщества остаётся слабой, а её эмоциональное воздействие средним» (: 543). Евросоюз выбрал экономическую область на роль двигателя интеграции, но общественная психология не слишком восприимчива к аргументам выгоды, не приправленным чем-нибудь более возвышенным. «Современная Европа бедна на мифы, служащие интеграции, если не лишена их вообще» (Reszler 2003: 544). Между тем некоторые национальные мифы (Вильгельм Телль, Афины) имеют европейское измерение, и не исключено, что Грецию именно поэтому и приняли в ЕС (: 544—545). Первые европейские институты смогли сложиться не раньше, чем обрели свои символы: флаг единой Европы, гимн («*Kraft der Liebe*» Шиллера на музыку Бетховена). Исторические и культурные символы нового союза берутся из «общего наследия европейских народов»: Карл Великий, Александр Македонский, Евгений Савойский, Мария Терезия, а с 1999 — даже такой мрачный фанатик, как Карл V. И вывод автора: «Там, где символы жизнеспособны, мифы, из которых они взяты, тоже недалеко. Восстановить их во всей полноте — мечта нашего поколения» (Reszler 2003: 550).

Во-вторых, одно дело — исторические сведения, другое — их интерпретация, ценностное отношение. Самая опасная ложь — та, что на 99% состоит из правды. Миф отличается от науки не тем, что он не опирается на факты или сам их выдумывает (это как раз не обязательно), а тем, как он расставляет акценты, чему придаёт высшую ценность.

Попытаемся разобраться, как создаются такие историко-мифологические конструкции и как они внедряются в массовое сознание. И начнём для этого с примера, оценка которого недвусмысленна для любого нормального человека.